

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА

ПЕССИМИЗМЪ

ВЪ XIX ВѢКѢ

Leopardi ~~*Schopenhauer*~~ *Hartmann*
ЛЕОПАРДИ — ШОПЕНТАУЭРЪ — ГАРТМАНЪ

Соч. Е. Каро
Caro, Elme Marie, 1826-1887
ЧЛЕНА ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМІИ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

БЕСѢДЫ О ПЕССИМИЗМѢ

происходившей въ Берлинскомъ Философскомъ
Обществѣ въ октябрѣ 1878 года

ПЕРЕВЕДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Никандръ Молчановскій

СТУДЕНТЪ КІЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Москва, 1883.

Типографія Л. О. Снегирева. Остоженка, Савеловскій пер., д. Снегиревой.

KC13556

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY

Въ нашъ вѣкъ, который, по замѣчанію знаменитаго итальянскаго государственнаго человѣка, Массино д'Азили, слѣдовало бы назвать «вѣкомъ ошибокъ и обмановъ», пессимизмъ занимаетъ видное мѣсто; онъ затрогиваетъ такіе важные вопросы, что болѣе или менѣе близкое знакомство съ нимъ обязательно для всякаго мыслящаго человѣка. Хотя о пессимизмѣ у насъ говорятъ вдоволь, но едвали многіе знаютъ о немъ больше изрѣченія: что міръ исполненъ страданій, превышающихъ въ немъ количество удовольствія. Правда сочиненія Шопенгауэра и Гартмана частью переведены на русскій языкъ; но весьма сомнительно, чтобы многіе рѣшились преодолѣть эти тяжелые томы. Издаваемая нами книга Каро даетъ популярное, вѣсьмъ доступное и въ тоже время полное изложеніе ученія современныхъ пессимистовъ. Каро не вдается въ полемику, не ставитъ на первый планъ своихъ собственныхъ возрѣній; напротивъ, критическія замѣчанія дѣлаетъ только изрѣдка и

IV

какъ бы мимоходомъ. Подавляющее большинство страницъ онъ отводитъ изложенію чужихъ мнѣній. Поэтому, даже не сочувствуя направленію Каро, по его сочиненію можно вполне ознакомиться съ учениемъ современныхъ пессимистовъ.

Мы прилагаемъ къ книгѣ Каро, какъ дополненіе, «Бесѣду о пессимизмѣ». Эта бесѣда имѣетъ цѣлью показать отношеніе современныхъ нѣмецкихъ философскихъ школъ къ пессимизму. Въ числѣ лицъ, участвовавшихъ въ дебатахъ того засѣданія Берлинскаго Философскаго Общества, протоколъ котораго имѣетъ теперь передъ собою читатель, мы находимъ: старо-гегеліанца Мишле, ново-гегеліанца Лассона, кантіанца Фредерихса и проч. Какими бы странными и устарѣлыми они показались многіе изъ высказываемыхъ въ этой статьѣ взглядовъ, но полагаемъ все же далеко будетъ не безъ интереснымъ для читателя ознакомленіе съ тѣмъ мѣстомъ, которое отводятъ пессимизму представители разныхъ современныхъ направленій въ нѣмецкой философіи.

4 октября 1882 г.

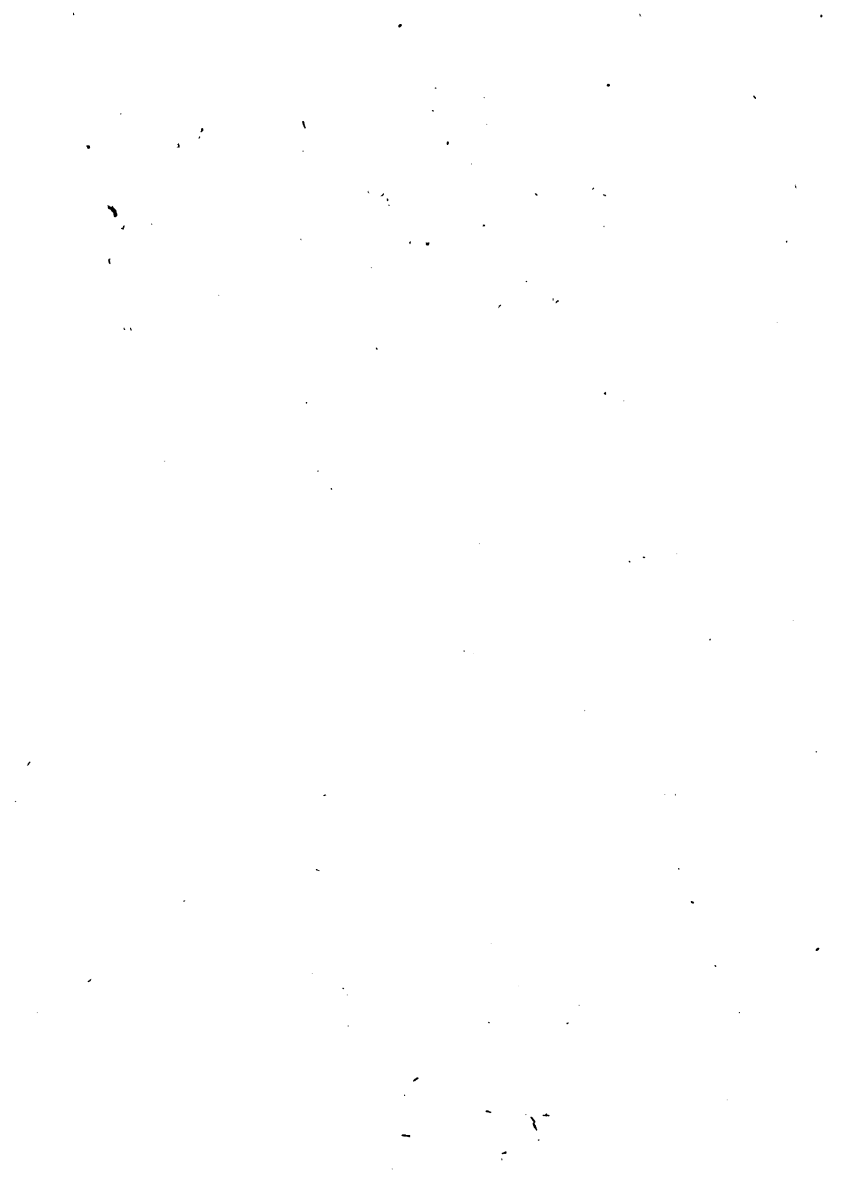
Москва.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА

Никогда не занимались вопросами— о злѣ и о цѣнности жизни съ такою ревностью, какъ въ наше время. Какую цѣну должна имѣть жизнь въ глазахъ человѣка мыслящаго, просвѣщеннаго новѣйшимъ опытомъ и современною наукою? Правда ли, что міръ худъ, что въ природѣ и человѣчествѣ заключается радикальное, абсолютное, непобѣдимое зло, что существованіе есть несчастье и что небытіе предпочтительнѣе бытія? Эти слова звучать странно для современнаго человѣка, оглушеннаго шумомъ собственной дѣятельности, по справедливости гордаго прогрессомъ науки, человѣка, умѣренно-меланхоли-

ческий темпераментъ котораго отлично мирится съ продолжительнымъ пребываніемъ на землѣ. Однако философія, проклиная жизнь, существуетъ; и она проявляется не въ однихъ только блестящихъ парадоксальныхъ сочиненіяхъ, брошенныхъ, какъ вызовъ современному научному и индустріальному оптимизму, нѣтъ, она развивается въ самой борьбѣ, она тонкимъ ядомъ проникаетъ въ умы извѣстной группы людей и смущаетъ ихъ. Это своего рода умственная болѣзнь, но болѣзнь привилигированная, до сихъ поръ сконцентрированная въ сферахъ высшей культуры, гдѣ она какъ бы является болѣзненною утонченностью и изящною испорченностью. Это какъ бы кризисъ умственный и литературный въ одно и тоже время, кризисъ, по распространенности, превосходящій предѣлы одной какой нибудь системы. Мы попытались рассмотреть его въ нѣкоторыхъ

великихъ его проявленіяхъ, отмѣтить аналогичныя явленія въ самыхъ разнообразныхъ средахъ и, сравнивая различныя формы и симптомы, дойти до источника этого, совершенно новаго для Запада, зла. Мы должны прибавить, что подобная работа имѣетъ болѣе психологическій, чѣмъ практический интересъ. Нѣтъ никакой опасности, чтобы эта философія была когда нибудь въ Европѣ чѣмъ либо другимъ, какъ исключительнымъ явленіемъ, и чтобы просвѣщенное человѣчество когда нибудь поддавалось обольщенію этихъ проповѣдниковъ отчаянія и небытія.

ПЕССИМИЗМЪ ВЪ XIX ВѢКѢ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Пессимизмъ въ исторіи.

Когда говорить, что пессимизмъ есть новѣйшее изъ, то все нужно понимать такимъ образомъ, что онъ новъ только по той систематической и ученой формѣ, какую онъ принялъ въ наши дни; но во все времена были пессимисты; пессимизмъ сопровождалъ человечество. Во время расахъ, во время цивилизаціяхъ люди съ явнымъ воображеніемъ поражались неполнотою и трагичностью человеческой судьбы, и они давали этому чувству выраженіе наиболее трогательное и патетическое. Во все время раздавались крики скорби и отчаянія, обвинявшей жизнь во злостности, и призывавшей насъ: противъ нее. Этотъ раздоръ между человекомъ и его судьбою, противорѣчіе между его инстинктами, его способностями

и средою, въ которую онъ погруженъ, вражда и вредоносность природы, случайности и неожиданности судьбы, человѣкъ, полный сомнѣнія и невѣжества, страдающій умомъ и чувствомъ, человѣчество, погруженное въ непрерывную борьбу, исторія, полная насилій, болѣзни, наконецъ, смерть и насильственное разлученіе со всѣмъ наиболее дорогимъ: всѣ эти несчастія и страданія вызываютъ вопль, раздающійся изъ глубины сознанія въ философіи, религіи и поэзіи народовъ. Въ древнихъ цивилизаціяхъ, эти крики и жалобы были всегда только единичными случаями, какъ бы ни было глубоко и страстно ихъ выраженіе.

Они обозначали морально-нравственный темпераментъ, печальное настроеніе мысли, душу, растерзанную отчаяніемъ, но ~~всѣмъ этимъ~~ ^{однако} они никогда не представляли систематической доктрины жизни, стройнаго ученія, отрицающаго божіе. Ювъ проклинаетъ день, въ который онъ родился: „неповѣсть, рожденный жепою, криводисвонъ и пресмыченъ печалами“; но Іегова гремитъ его благодарное сомнѣніе, несправедливыя жалобы, безумную строптивость, онъ прощѣщаетъ его и спасаетъ отъ себя самого. Саломонъ говоритъ: „И возмездіе въ жизнь: потому что противны стали

мнѣ дѣла, которыя дѣлаются подъ солнцемъ; ибо все суета и томленіе духа¹⁾, но было бы крайне поверхностно видѣть въ мрачной жизни Эпикуреизма только отчаяніе, и не видѣть обратной стороны: суеты человеческой, которую великая душа, живущая въ земномъ стремленіи, изыскала до пресыщенія, и какъ въ такую антипозу, резонирующую во время тревоженія человеческого сердца, сознаніе своего ничтожества въ ограниченномъ наслажденіи, и стремленіе найти тамъ поддержку, чтобы наполнить эту пустоту своей скуки.

Аналогичнымъ чувствомъ отличаются у древнихъ Грековъ и Римлянъ. Часто замечали про-
пасти глубокой грусти то у Перикла и Симо-
нида Аморгоскаго, то у Сократа и Эпикура.
Въ Римѣ преобладаютъ эта тратательная жалоба:
„Человѣку лучше не родиться, а родившись, —
умереть молодымъ“. Партиниусъ не упустилъ
случая приписать это изреченіе, какъ Платонъ
отличнымъ способомъ обоснованію глав-
наго положенія стоицизма, что лучше, въ
среднемъ мѣрѣ, жить божіи: „Если смерть
совсѣмъ отсутствіемъ всякаго чувствованія, если безъ
сознанія, тогда малая громада иногда уме-

1) Экклезіастъ, II, 17.

реть! Пусть кто-нибудь сравнит подобную ночь, проведенную въ глубокомъ снѣ, не смущаемомъ никакимъ сновидѣніемъ, со всѣми остальными ночами, и днями своей жизни; пусть онъ подумаетъ и скажетъ на сонѣти, много ли онъ видитъ въ своей жизни дней и ночей, счастливыхъ этой; я убежденъ, что не только простой смертный, но и самъ великій царь персидскій придемытъ ихъ такъ немного, что сосчитать ихъ было бы весьма легко". Аристотель справедливо замѣчаетъ, что есть родъ скорби, которая какъ бы составляетъ удытъ гения.¹⁾ Онъ разсматриваетъ этотъ вопросъ, какъ эмпиологъ, но съ другой стороны, развѣ нельзя сказать, дополняя его мысль, что высота, которой достигаетъ человѣческій гений, помогаетъ ему увидѣть съ большою ясностью и на большей поверхности сущность чуждѣнства и ничтожества жизни.

Воселый, сладострастный, суеверный, истинно-романсизмъ неоправданно, но строго логически велѣтъ къ осужденію жизни. Это засвидѣтельствовали тѣ париканы, посланные въ Римъ, которые умирали такъ же легко и рѣшительно, какъ и сворминки, суроваръ, естонцама. Въ нечистомъ

¹⁾ Проблемы, XXX.

цовъ, чрезвычайная любовь къ жизни веда и къ
къ ея осужденію и отрицанію, когда нельзя
было ожидать отъ нея болѣе наслажденій! Если
наслажденіе есть высшая цѣль, то къ чему
переживать его гибель? Нельзя вѣчно наслаж-
даться, и, когда начинается усталость, то не
далеко и истощеніе, а что можетъ быть пе-
чальнѣе для эпикурейца, чѣмъ видѣть себя
неспособнымъ наслаждаться? Конечно, лучше
предупредить эту неспособность, которая хуже
самой смерти, и умереть до ея наступленія.
„Изъ чего“, могли бы сказать эпикурейцы лю-
дямъ, истощеннымъ наслажденіями, „къ чему
трусилъ сопаривать у природы, которая тебѣ
покидаетъ, нѣсколько заранее осужденныхъ
дѣлъ и нѣсколько невѣрныхъ опущеній? Ты
не можешь ничего ожидать въ будущемъ,
кромѣ страданія, слабости и старости. Вы-
пой смерть, вырветъ съ послѣднимъ воз-
лѣніемъ вина“. Таковъ смыслъ академіи со-
умирающихъ (τὸν συναισθησάντων), образовав-
шейся въ Александріи, членами которой были
Антоній и Кассіатра. Римскіе времена упадка
приносили на послѣднемъ пиру свою жизнь въ
жертву будущу и, въ сладострастномъ опьяне-
ніи, бросались въ то неизвѣстное, которое они
считали небытіемъ. Петропій, поэтъ римскихъ

оружій, до послѣдней минуты играть съ самоубійствомъ, заставляя то пускаться, то останавливать себя, какъ бы для того, чтобы дольше испытывать нудство своего освобожденія отъ жизни.

Есть меланхолическій эпикуреизмъ, происходящій не отъ чрезмерной любви, но отъ сознательнаго презрѣнія къ жизни. Лукрецій съ трагическимъ блескомъ воспроизводитъ тѣ обвиненія, которыя выставили противъ нея еще греческіе андросоты. Справедливо сближали ¹⁾ это настроеніе поэзи Лукреція съ мелеобами, которыя съ безмѣнною молодостью, какъ эхо, раздаются въ отрывкахъ, оставшихся отъ старика Эпикалла.

„О Боги! какъ велики ваши несчастія, малкіе смертные! Среди какой борьбы и мучимыхъ востыханій вы рождаетесь!“ ²⁾

Вспомнимъ также это эпигическое изображеніе жизни; „Несчаствія всѣхъ возможныхъ ро-

¹⁾ The Roman poets of the Republic, by Sellars, Edinburg, 1863. Chapter VIII. Lucretius, p. 218.

²⁾ Ὁ πάποι, ὦ δειλόφυνταῦ γένος, ὦ οὐκ ἀνάλβον,

Ὅπου ἔξ ἀρίστων ἐκ τε σπονχῶν ἀγάσθαι! Περὶ φυσικῆς, στ. 30.

довъ постигаютъ насъ, притупили и разрушили
нашу жизнь. Нашъ миръ извѣстнее прѣткое по-
рище нашей жизни, второе, не желанъ; не спо-
собно быть продолжительнымъ, намъ скоро мы
умираемъ! Вѣжкое существование есть быстро
истекающій дымя; въ той суетѣ, которая насъ
ограждаетъ со всѣхъ сторонъ; каждый изъ
насъ одинъ можетъ разглядѣть тотъ уголокъ
мира, куда онъ бросенъ; вотще хвастаются,
будно можно дѣлать свѣтлы обществу ве-
щей: ни вооръ чужеземцевъ не можетъ въ ней
ничего разглядѣть, ни что разсказать, ни
разумъ понять. 13).

Все есть для насъ загадка и хаосъ. Мы не
знаемъ прѣткой жизни, ерехъ которыхъ влечетъ

1). Ἰδοὺ δὲ ἐπὶ τοῦ ἔκτανος, τὰ ἀμβλύνουσι
μέριμνας,

Ἡδὺρον δὲ ζωῆς αἴθου μέρος ἀφθόνους

ἑκατόμους καὶ τοὺς οἴκους ἀφθόνους ἐπέπταν

αὐτὸ πρῶτον πεποθέντες, ὅτι προέκρυσεν

ἐκείνος

Πάντας ἐκινύμεναι: Τὸ δὲ οὐδὲ πᾶς εὐχε

Αἰτίας: Οὐδὲ ἐκιδεσθαι τὸ ἀνδράσιν οὐτ

ἐκινύμεναι

Οὐκ οὐδὲ περικεπτά. Ibid. et. 36.